

УДК 821.161.1 (Русская литература)

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОСУДИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю.О. ДОМБРОВСКОГО

© 2021 А.В. Макарычев

*Макарычев Алексей Вячеславович, аспирант кафедры
русской и зарубежной литературы и связей с общественностью*

E-mail: ale-makarychev@yandex.ru

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 16.05.2021

В статье рассматриваются проблемы советского правосудия, отраженные в прозе Ю.О. Домбровского. Исходя из исторических сведений, автор рассматривает, каким образом в прозе Юрия Домбровского отразились такие проблемные стороны советского правосудия 1930-х гг., как политизированность, необъективность, безосновательность обвинения и т.д.

Ключевые слова: Юрий Домбровский, «Обезьяна приходит за своим черепом», «Хранитель древностей», «Факультет ненужных вещей», суд, правосудие, судебный дискурс, репрессии.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-89-92

Введение. В творчестве Ю.О. Домбровского много места отведено правосудию. Часто оно занимает центральное положение в его произведениях и проявляется на разном уровне: от изображения суда до воспроизведения и понимания судебных практик различными персонажами.

Несомненно, определенный тон художественному описанию Ю.О. Домбровским правосудия задавал исторический и национально-культурный контекст, в особенности происходящие в Советском Союзе политические события, которые очень сильно повлияли на судебное законодательство [1, с.239].

Русская литература XX в. вобрала в себя ужасы Большого террора с его политизированной ангажированностью судов и нарастанием оборотов репрессивного аппарата. Именно об этом и писал Ю.О. Домбровский, считавший, что «*гибель государства начинается с краха его законов, правосудия...*» [2, с.324-325]. Судебный дискурс его произведений вбирает в себя все те противоречивые моменты, которые демонстрировали судебный процесс и судебное законодательство 1930-х гг.

В первую очередь, конечно, стоит сказать о политизированности советского судопроизводства, которая была присуща советской власти с самого начала. Представляется показательным то, что одним из первых документов Советов стала инструкция «О революционных трибуналах» 1917 г., с помощью которой они пытались создать коллегии для рассмотрения дел о контрреволюции [3, с.26]. Политическая ангажированность советского правосудия не ослабла и после революции, а в 1930-е гг., в период Большого террора, обрела новую силу.

Методы исследования. Основным методом данного исследования стал метод компаративи-

стики. Кроме того, при анализе фрагментов художественного текста нами был применен метод критического дискурс-анализа Т. ван Дейка. Также мы обратились к концепции репрессивного взгляда, которую разработал и подробно описал философ М. Фуко.

История вопроса. Указанный период известен большим количеством политических кампаний, когда и без того слабая и плохо организованная система судопроизводства нагружалась огромным количеством дел, которых неопытные и некомпетентные работники не могли разобрать иначе, как с многократными нарушениями процессуального законодательства и массовыми фальсификациями. При этом, как пишет исследователь А.Я. Кодинцев, со ссылкой на Питера Соломона, судьям периодически спускались различные критерии оценки качества их работы, а во времена активных политических кампаний таким критерием делались темпы рассмотрения дел, в результате чего судьи не могли не фальсифицировать данные, иначе сами бы пострадали от репрессий [4, с.28-29].

Таким образом, суды зависели от государства не только идеологически (что очень ярко отметил В.Н. Дмитриевский: «*Политические процессы 1934-38 гг. проходили публично, сопровождалось горячими признаниями любви и преданности к вождю и свирепой ненависти к «врагам народа»* [5, с.430]), но и по формальным критериям, обусловленным политической обстановкой в стране.

Нечто подобное отразилось у Ю.О. Домбровского в его диалогии «Хранитель древностей» / «Факультет ненужных вещей». Сама атмосфера судебных политических кампаний, их последствий, проникает в быт персонажей романов: «... по республике прошел его юбилей, ... еще не были распроданы в киосках все его фотографии и бро-

шюры с биографией, <...> - а он уже оказался врагом народа» [6, с.207]. Люди, совсем недавно являвшиеся частью культурной жизни страны, в момент становятся врагами. Кроме процессов над политическими и культурными деятелями, которые происходят где-то на фоне жизни персонажей и сообщают о себе в некоторых внешних изменениях (например, в смене портретов в музее), также происходят и политические кампании, затрагивающие обычных людей (героев произведений). К таковым относятся и дело Потапова из «Хранителя древностей» («Один брат расстрелян за вредительство, другой схвачен как шпион...» [6, с.258]), и дело Зыбина из «Факультета ненужных вещей» («Дело-то планируется не малое. Ни больше ни меньше как открытый алмазинский процесс на манер московских» [7, с.199]).

Соотносится с реальностью и логика следователя, проговоренная персонажем Буддо, из «Факультета ненужных вещей» («Ни в чем не виноват! Опять зазря посадили! Так, что ли? ... вы туда, а следователь сюда, на вашу койку!» [7, с.172]), которая очень напоминает опасения судей сталинского периода, их страхи за собственную судьбу, о чем мы говорили выше.

Описанные в дилогии Ю.О. Домбровского события, такие как необоснованный арест, предъявление обвинения без доказательств и другие, выглядят вполне правдоподобными и исторически обоснованными. Обратимся к архивным источникам того времени. Об обвинительном уклоне советского суда пишет А.Я. Кодинцев, ссылаясь на результаты проверки Свердловского облсуда, проведенной А.А. Лисицыным в 1935-ом г. и выявившей множество нарушений: начиная от несоблюдения прав заключенных и заканчивая наплевательским отношением к хранению вещественных доказательств. И подобные нарушения, связанные с объективностью правосудия, наблюдались по всей стране, что следует из документов проверки органов юстиции СССР, проведенной Комиссией советского контроля [4, с.24].

Одним из таких нарушений, которое выделяет исследователь А.Я. Кодинцев, стало безусловное осуждение. Оно явилось одним из главных показателей обвинительного уклона правосудия.

Результаты исследования. Безосновательное осуждение, как форма деформации советского суда, (а скорее даже следствия, которое вбирает в себя функции суда) показано в произведениях Ю.О. Домбровского. Обратимся к эпизоду из «Хранителя древностей», в котором Зыбин обсуждает с Потаповым предъявленные ему обвинения. В эту историю вплетается и другая история: о том, как Потапов отнес в правоохранительные органы письмо от немцев, дабы не быть заподозренным в шпионаже. Сначала диалог

бригадира со следователем начинается на благожелательной ноте: «...ты, говорит, "советский человек"» [6, с.259], но буквально сразу же Потапову предъявляется обвинение: «Расскажи, с какой целью агитируешь население...» [6, с.259]. При этом следователь не предъявляет никаких доказательств, а после непродолжительной перепалки, можно сказать, выносит окончательное обвинительное заключение: «Контрреволюционер! Антисоветчик!» [6, с.259]. В «Факультете ненужных вещей» уже самому Зыбину предъявляются необоснованные обвинения. Одним из самых ярких моментов, демонстрирующих несостоятельность обвинения, является диалог Зыбина и следователя Хрипушина во время допроса: «... – Будем признаваться? – В чем же? – Да вот в том, о чем здесь написано, ... – ... Что же, давайте факты! – Так вот они же! ... Вы арестованы – факт! Вам предъявлено обвинение – факт! ... Или мы берем невиновных?» [6, с.238]. Здесь снова, как и в истории с Потаповым, следователь не предъявляет никаких четких доказательств вины допрашиваемого. Если рассмотреть диалог подробнее, то мы увидим, что доказательства в нем подменяются обвинительной риторикой: «Как вы... вели разложенческую работу», «нам прислали об этом красивые материальчики», «вы ввели в заблуждение органы и ушли от ответственности» [7, с.238] и т.д. Сама по себе лексика следователя подразумевает обвинение, однако не дает конкретики для предъявления настоящего обвинения. Кроме того, спрашивая у Зыбина: «Или мы берем невиновных?», – Хрипушин считает себя правым априори и, тем самым, ставит свои «доказательства» выше любых слов Зыбина о невиновности. Можно сказать, что способность следователя к обвинению в советской системе правосудия стоит выше объективной истины.

Заметим, что обвинительный уклон правосудия в художественном мире Ю.О. Домбровского связан не только с советской прокуратурой. Он также переносится автором и в другие правовые системы, меняются лишь обстоятельства и лица, но суть остается прежней. Так, в романе «Обезьяна приходит за своим черепом» за человеком по фамилии Гаген приходят представители фашистского оккупационного режима. «Они его спросили: "Это вы и есть Гаген?" Он встал с бритвой в руке и ответил: "Я". Тогда старший сказал: "Положите бритву, она вам не понадобится больше..." ... Так они его и повели, даже не дали смыть мыло с лица!» [8, с.83], а причиной для такого строго приговора стало знакомство с «неудобным» человеком: «– ... Бедный Гаген, что он им сделал? ... – А ничего! ... Они его просто обвинили в знакомстве с Карлом Войциком» [8, с.83]. Люди, наделенные властью, выносят обвинительный приговор, не разбираясь в том, действительно ли виноват обвиняемый. Только в

данном случае это делают правоохранительные органы не своего же государства, а оккупанты.

Таким образом, Ю.О. Домбровский изображает правосудие, в котором, как выразился В.Н. Дмитриевский, «не осталось поля для диалога» [5, с.415]. Такая однозначность, безапелляционность обвинения полностью исключает дискуссию, исключает возможность обвиняемого на оправдание. Особенно это считается в явной, можно сказать демонстративной, безосновательности, ведь тем самым правосудие как бы говорит, что ему не важно, что скажет обвиняемый, важно, какие выводы сделают следователи.

Такая ситуация напрямую соотносится с тем, что происходило тогда в действительности. В сущности, советское судопроизводство – и реальное, и изображаемое Ю.О. Домбровским – занималось конструированием новой реальности посредством лживого правосудия. Реальности, в которой советское государство боролось с врагами народа, которые мешали строить новое общество. И для такого «конструирования» реальности, а вместе с тем и борьбы с «преступниками», у советского правосудия было множество инструментов. Например, часто дела осужденных к расстрелу строились на самооговоре или показаниях одного свидетеля [4, с.24], что, конечно, исключало вариативность трактовок событий, положенных в основу дела. Кроме того, у советского правосудия имелись и более радикальные методы «установления истины» – это так называемые «Тройки» и «Особые совещания», в которых для вынесения приговора не нужно было ни общения с обвиняемым, ни свидетелей, ни прений сторон, и, тем самым, реальность могла строиться только на основе сфабрикованных документов и вынесенного приговора.

Эти «радикальные методы» тоже нашли свое место в прозе Ю.О. Домбровского. Мы говорим, в частности, о рассказе Буддо из «Факультета ненужных вещей» об Особом совещании. В стенах этой структуры дело даже никто не будет смотреть, но обязательно будет вынесен более тяжкий приговор: «*Это такая хитрая машинка...она штампует наши судьбы там, в Москве*» [7, с.204]. На удивленные слова Зыбина о том, что дело будет рассматриваться без его участия, Буддо отвечает: «*А что им на вас глядеть?... Что вы за зрелище такое?*» [7, с.204], передавая, тем самым, пренебрежительное отношение к Зыбину со стороны тех, кто будет вершить его судьбу. Ю.О. Домбровский показывает, что в этой судебной системе обвиняемый виноват априори. Суд полностью упраздняется и вместо него возникает совещание – как квинтэссенция отсутствующего органа; вместо суда образуется суррогат, который не использует нормы судопроизводства, но при этом выносит приговор.

Для исследования данной ситуации мы обратились к монографии Е.В. Батаевой «Видимое общество. Теория и практика социальной визуальности». В ней автор анализирует сложившуюся

ситуацию в медицинской практике, когда компетентный взгляд перешел от врача к медицинской технике, а взгляд самого врача стал направлен в основном на медицинскую документацию, а не на тело больного. Такую ситуацию Е.В. Батаева называет «двойной объективацией тела больного» [9, с.91]. Нам представляется, что подобное можно увидеть и в примере с Особым совещанием. В первую очередь Зыбину предъявляется априорное обвинение, при этом никого не волнует реальная степень его вины, важно лишь формально «доказать» ее посредством «признания» заключенного. Таким образом Зыбин из «личности», «субъекта» превращается в «обвиняемого» (какие-то критерии человечности здесь исключаются, важна лишь степень «вины») – это, используя терминологию Е.В. Батаевой, можно назвать первым уровнем объективации; далее обвинение переходит в документ, с которым после и будет работать Совещание, – это уже второй уровень объективации. Так «личность» уходит из судебного процесса сталинского периода, а вместо собственно процесса остается только «результат» и подшивка документов в распоряжении должностных лиц. Эту объективацию, превращение сталинским правосудием человека в преступника, Зыбин очень четко понимает, о чем и говорит в одном из диалогов со своим сокамерником Буддо: «*– Одним словом, <...> – я не личность, а преступник, определенный заранее...*» [7, с.256].

Говоря о безосновательном обвинении в советских судах 1930-х гг., исследователь В.Н. Дмитриевский отмечает, что такое ведение правосудия оправдывалось требованием «революционной целесообразности» и выделяет все стадии, через которые приходилось пройти советскому осужденному: арест, дознание, приговор, его исполнение [5, с.415]. Таким образом, исчез суд – инстанция, где была возможна какая-либо правовая дискуссия, советская власть вытесняла то, что могло помешать конструировать свою версию реальности.

Выводы. Итак, рассмотрев особенности советского судопроизводства 1930-х гг., мы можем сделать вывод, что в этот период суд утратил свою объективность. Советское правосудие политизировалось и уже требовало не столько объективного, сколько идеологически верного, рассмотрения дела. Суд стал искусственным: он лишился базовой основы – агональности. Теперь суд был полностью сконструирован партийной верхушкой в нужном ей формате. Эти процессы отображены в сюжетах Ю.О. Домбровского. Вместо объективного судопроизводства его персонажи сталкиваются с безосновательным обвинением, для которого политическая составляющая дела имеет большее значение, чем доказанность вины. В такой атмосфере творил и Ю.О. Домбровский, на себе испытавший несправедливость советского правосудия.

1. Устинова, К.А. Судебный дискурс как разновидность юридического дискурса // Альманах современной науки и образования. - Тамбов: Грамота, 2011. - № 3 (46). - С. 238-239.
2. Штокман, И. «...моя нестерпимая быль» // Конец века. - М, 1991. - № 3. - С. 324-326.
3. Головин, А.Ю. Основные тенденции развития отечественной адвокатуры в годы советской власти (1917-1991 гг.) / А.Ю. Головин, Е.Н. Соломатин // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. - 2011. - №2 (2). - С. 24-38.
4. Кодинцев, А. Я. Дефекты советского уголовного судопроизводства в 30-е годы XX века // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2012. - №1 (19). - С. 23-33.
5. Дмитриевский, В.Н. Театр и суд в пространстве тоталитарной системы // Системные исследования культуры. 2008 / под ред. Г.В. Иванченко, В.С. Жидков. - СПб.: Алетейя, 2009.- С. 404-436.
6. Домбровский, Ю.О. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4.: Роман «Хранитель древностей»; Приложение; Комментарии / Ред.-сост. К. Турумова-Домбровская. Худ. В. Виноградов. - М.: ТЕРРА, 1993. - 400 с.
7. Домбровский, Ю.О. Собрание сочинений: В 6 т. Т.5. / Ю.О. Домбровский (Ред.-сост. К. Турумова-Домбровская. Худ. В. Виноградов). - М.: ТЕРРА, 1993.- 704 с.
8. Домбровский, Ю.О. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. (Ред.-сост. К. Турумова-Домбровская. Худ. В. Виноградов).- М.: ТЕРРА, 1992. - 464 с.
9. Батаева, Е.В. Видимое общество. Теория и практика социальной визуалистики: Монография. - Х.: ФЛП Лысенко И.Б., 2013. - 349 с.

PROBLEMS OF JUSTICE IN THE WORKS OF YU.O. DOMBROVSKY

© 2021 A.V. Makarychev
*Alexey V. Makarychev, Postgraduate student, department
of Russian and Foreign Literature and Public Relations
E-mail: ale-makarychev@yandex.ru
Samara University
Samara, Russia*

The article deals with the problems of Soviet justice, reflected in the prose by Yury Dombrovsky. Based on historical information, the author examines how the prose by Yury Dombrovsky reflected such problematic aspects of Soviet justice in the 1930s as: politicization, lack of objectivity, baselessness of the accusation, etc.

Key words: Yury Dombrovsky, "The Ape is coming to pick up its Skull", "Keeper of Antiquities", "Faculty of Useless Knowledge", court, justice, judicial discourse, repression.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-89-92

1. Ustinova, K. A. Sudebnyy diskurs kak raznovidnost' yuridicheskogo diskursa (Judicial discourse as a kind of legal discourse) // Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya. - Tambov: Gramota, 2011. - № 3 (46). - S. 238-239.
2. Shtokman, I. «...moya nesterpimaya byl'» ("... my unbearable story") // Konetsveka. - M, 1991. - № 3. - S. 324-326.
3. Golovin, A. YU. Osnovnyye tendentsii razvitiya otechestvennoy advokatury v gody sovetskoy vlasti (1917-1991 gg.) (Main trends in the development of the domestic legal profession during the years of Soviet power (1917-1991)) / A.YU. Golovin, Ye.N. Solomatin // IzvestiyaTulGU. Ekonomicheskiye i yuridicheskkiye nauki. - 2011. - №2 (2). - S. 24-38.
4. Kodintsev, A. YA. Defekty sovetskogo ugolovnoogo sudoproizvodstva v 30-ye gody KHKH veka (Defects of the Soviet criminal proceedings in the 30s of the twentieth century) // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. - 2012. - №1 (19). - S. 23-33.
5. Dmitriyevskiy, V. N. Teatr i sud v prostranstve totalitarnoy sistemy (Theater and Court in the space of the Totalitarian system) // Sistemnye issledovaniya kul'tury. 2008 / pod red. G.V. Ivanchenko, V.S. Zhidkov. - SPb.: Aleteya, 2009. - S. 404-436.
6. Dombrovskiy, YU.O. Sobr. soch.: V 6 t. T. 4.: Roman «Khranitel' drevnostey»; Prilozheniye; Kommentarii (Collected works: In 6 volumes. Vol. 4.: Novel "Keeper of Antiquities"; Application; Comments) / Red.-sost. K. Turumova-Dombrovskaya. Khud. V. Vinogradov. - M.: TERRA, 1993. - 400 s.
7. Dombrovskiy, YU. O. Sobraniye sochineniy: V 6 t. T.5 (Collected works: In 6 volumes. V.5). / YU.O. Dombrovskiy (Red.-sost. K. Turumova-Dombrovskaya. Khud. V. Vinogradov). - M.: TERRA, 1993.- 704 s.
8. Dombrovskiy, YU. O. Sobraniye sochineniy: V 6 t. T. 2 (Collected works: In 6 volumes. V. 2.). (Red.-sost. K. Turumova-Dombrovskaya. Khud. V. Vinogradov). - M.: TERRA, 1992. - 464 s.
9. Batayeva, Ye. V. Vidimoye obshchestvo. Teoriya i praktika sotsial'noy vizualistiki (A visible society. Theory and practice of social visualization): Monografiya. - KH.: FLP Lysenko I.B., 2013. - 349 s.